

РИА НОВОСТИ

АНАТОЛИЙ ИДАНОВ

в 53-ем году, она была беременна и у ней в Москве родился сын Иван, которого она отдала в воспитательный дом. Я имею достаточные причины предполагать, что этот сын не от меня, однако с уверенностью ручаться за это не могу. Он, пожалуй, может быть мое произведение... Если этот Иван жив и отыщется, — то я бы готов был поместить его в ремесленную школу — и платить за него. Денег Феоктисте не давай — она уже получила от меня».

Филантроп

Однажды мать написала Тургеневу: «...ты мне напомнил об отце, очень кстати. Потому что при его необыкновенных достоинствах — денег не любил считать».

По словам писателя Дмитрия Григоровича, «если б возможно было составить список деньгам, которые Тургенев роздал при своей жизни всем тем, кто к нему обращался, сложилась бы сумма больше той, какую он сам прожил».

После смерти Белинского коллеги покойного обсуждали, как можно материально помочь его дочери. Тургенев, участвовавший в разговоре, заявил: «Господа, я считаю своим долгом обеспечить дочь Белинского. Я ей дарю деревню в 250 душ, как только получу наследство». Большинство присутствовавших с восторгом восприняли эти слова. И только Авдотья Панаева заметила: «Я думала, что уже сделалось анахронизмом дарить человеческие души; однако, как вижу, ошиблась».

Гонорар за драматические поведения Тургенев подарил своим знакомым Топоровым. У Топоровых не было своих детей, и они взяли на воспитание девочку Любу, которую вырастили на деньги, получаемые за пьесы Тургенева. По этому поводу они шутили: «Верочка (героиня пьесы „Месяц в деревне“ — „Деньги“) помогает Любочке».

Из воспоминаний поэта Якова Полонского: «Ивану Сергеевичу недешево обходились выдаваемые им пенсии. Если бы он не имел дохода от своих сочинений, ни денег или капитала от продажи других имений, он доходами с одного Спасского не мог бы и существовать. Я слышал, что Иван Сергеевич одних пенсий раздавал ежегодно до 8000 рублей... Для того, чтоб крестьяне не оставались без медицинской помощи, он велел выдавать 200 руб. в год тому из мценских врачей, кто возьмется заезжать в Спасское и заходить к больным».

Полонский также вспоминал, что однажды во время приезда Ивана Сергеевича в родное имение произошел пожар. Тургенев боялся, что сгорит вся деревня, но выяснилось, что из-за безветрия деревня не пострадала. Сгорел только кабак. На следующий день кабатчик пришел к Тургеневу просить помощи, и тот дал ему 25 рублей. Это вызвало недовольство у крестьян: «За что 25 рублей! Не за то ли уж, что он нас спавивал да капиталы наживал; он и теперь нас богаче — не пропадет!»

Через несколько дней после пожара состоялся деревенский праздник: «К 7 часам вечера толпа уже стояла перед террасой: мужики без шапок, бабы и девки нарядные и пестрые, как раскрашенные картинки, кое-где позолоченные сусальным золотом. Начались песни и пляски. В пении мужики не принимали никакого участия, они по очереди подходили к ведру или чану

с водкой, черпали ее стеклянной кружкой и, запрокидывая голову, выпивали. Только один пришлый мужик, в красной рубашке, и пел, и плясал, и кланялся, и подмигивал, и присвистывал... Лакомство раздавалось тоже по очереди, — мальчишки подставляли свои шапки, старухи — платки, бабы и девки — фартуки. За мужиками к водке подходили бабы и девки, за ними дети, начиная с 5-летнего возраста, если еще не моложе. Сами матери подводили их. Чем же кончился праздник? Ропотом крестьян, что вина было мало — всего только два чана (сколько было в них ведер — не помню). Они просили послать еще за вином. Управляющий стал их стыдить и уговаривать.

— И рад бы, — говорил он, — Иван Сергеевич послать за вином, да куда! В Мценск далеко, а кабак, сами знаете, сгорел».

В 1880 году Иван Сергеевич подарил своим крестьянам на ремонт изб две десятины строевого леса. А потом с огорчением узнал, что вырубленный лес мужики продали, а деньги пропили.

Конец дворянского гнезда

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Будучи в здравом уме и твердой памяти, я, нижеподписавшийся, коллежский секретарь Иван Сергеевич Тургенев, на случай моей смерти завещаю все авторские права и литературную собственность на сочинения мои, как изданные, так и неизданные, а равно

С дочерью Полиной (на фото справа) Тургенев общался по-французски (на фото слева — оригинал письма Тургенева дочери)

еще должны мне по контракту книгопродавцем-издателем Иваном Ильичем Глазуновым двадцать тысяч рублей — всецело французской подданной Полине Виардо-Гарсиа. Писано со слов моих и по личной моей просьбе в квартире моей в Париже, улице Дуэ, №50...»

Так звучало завещание Тургенева. Но оно вошло в противоречие с российскими законами, по которым Спасское-Лутовиново должны были унаследовать ближайшие родственники Тургенева по линии матери.

Многолетняя тяжба, которую Виардо вела с помощью французского адвоката, знавшего российское право, закончилась тем, что наследниками имения признали двух родственниц Тургенева с материнской стороны — Клеопатру Дмитриевну Сухотину (урожденную Мансурову) и ее племянницу Ольгу Васильевну Галахову (урожденную Шеншину). Дядя Клеопатры Дмитриевны был женат на сестре деда Тургенева. Не самое близкое родство. Имение было оценено в 150 тыс. рублей. Наследницы погасили выданный Тургеневым Виардо вексель на сумму 30 тыс. рублей, а также выплатили компенсацию за движимое имущество. После этого Ольга Васильевна Галахова выкупила у своей тети ее долю имения за 60 тыс. рублей. Наследница в Спасском не жила. Главный дом усадьбы постепенно разрушался и был уничтожен пожаром в 1906 году. В настоящее время в восстановленном имении находится Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». ●

Однажды мать написала Тургеневу: «...ты мне напомнил об отце, очень кстати. Потому что при его необыкновенных достоинствах — денег не любил считать»